

Процент истины

Марксистская политэкономия и большевистский коллективизм, вечный при-мат класса, массы над ничтожной «частицей» стимулировали цифровой подход к реальности, который уже в сталинские (и послесталинские времена) трансформировался в статистическую манию режима, вечно озабоченного подсчетами своих военных, экономических и прочих достижений. С неменьшим усердием режим занимался, однако, их агитационной фальсификацией. И, конечно, непревзойденным мастером или изобретателем подобных ухищрений и подтасовок был сам Сталин.

Цифры, как и сама жизнь, должны соответствовать его теоретическим прозрениям — а не наоборот. Выступая на XV съезде (декабрь 1925), он свирепо обрушился на крайне неприятные ему статистические данные по социальной дифференциации крестьянства в советское время (до «великого перелома» еще далеко, и Сталин, придерживающийся «правой» ориентации, пока вовсе не заинтересован в увеличении процента «кулаков»):

«Я читал недавно одно руководство, изданное чуть ли не агитпропом ЦК, и другое руководство, изданное, если не ошибаюсь, агитпропом ленинградской организации (т. е. зиновьевцами, «левыми». — *М. В.*). Если поверить этим руководствам, то оказывается, что при царе бедноты было у нас что-то около 60%, а теперь у нас 75%; при царе кулаков было что-то около 5%, а теперь у нас 8 или 12%; при царе середняков было столько-то, а теперь меньше. Я не хочу пускаться в ход крепких слов, но нужно сказать, что эти цифры — хуже контрреволюции. Как может человек, думающий по-марксистски, выкинуть такую штуку, да еще напечатать, да еще в руководстве? <...> Как могут болтать такую несусветную чепуху люди, именующие себя марксистами? Это ведь смех один, несчастье, горе».

На сталинском жаргоне точные данные называются утратой научной объективности¹¹ (хотя в повседневной работе он предпочитал, разумеется, реальную статистику, а не диалектические выкрутасы). «Мы верим в то, — добавил он, — что ЦСУ есть цитадель науки <...> Мы считаем, что ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого-то ни было предвзятого мнения, ибо попытка подогнать цифру под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера».

Напрасно протестовал П. Попов из ЦСУ, взволнованно обвинявший Сталина в клевете на свое учреждение и в фальсификации выводов, — его статьи «Правда» отказалась печатать¹².

В конце 1935 (период второй пятилетки), призывая комбайнеров усерднее работать ввиду «колоссального роста потребности в зерне», вождь сослался на демографический бум:

«Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ»¹³.

А всего через три года, уже после Большого террора, когда перепись катастрофически поредевшего населения была объявлена вредительской, Сталин на XVIII съезде инкриминировал работникам Госплана использование тех же цифр:

«Эти товарищи ударились в фантастику не только в области производства

чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три-четыре миллиона человек, или даже больше того. Это тоже была фантастика, если не хуже».

К статистике, предназначенной для пропагандистских целей, он вообще относится творчески, избегая начетничества, что явствует, к примеру, из продиктованного им числа погибших в войне 1941—1945 гг., которое он снизил до семи миллионов. Тогда же, еще во время войны, перед ним возникла неприятная дилемма. Чтобы как-то убавить, приостановить массовую сдачу в плен, нужно было припугнуть красноармейцев указанием на массовое же истребление военнопленных, проводимое немецкими властями. С другой стороны, ему требовалось всячески скрывать подлинные масштабы этой ужасающей капитуляции, которую он приравнивал к измене и дезертирству. Двойственная задача разрешилась статистическим компромиссом. В ноябре 1942 г., когда количество советских солдат, погибших или замученных в немецком плену, уже приблизилось к трем миллионам, Сталин заявил: «Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать военнопленных, убивать их *сотнями*, обрекать на голодную смерть *тысячи* из них».

Он ловко манипулирует пропорциями явлений, степенью их «внутренней значимости». В 1935 г., выступая на всесоюзном совещании стахановцев, он сказал:

«Стаханов поднял техническую норму добычи угля *впятеро или вшестеро*, если не больше».

Задача сталинской демагогии — распространить фантастические достижения Стаханова на всю промышленность, сделав их чуть ли не обязательной нормой производительности труда. Для этого он далее, в той же самой речи, преподносит некий статистический фокус, внезапно удваивая стахановские рекорды:

«Стаханов перекрыл существующую техническую норму, кажется, раз в *десять или даже больше*. Объявить эти достижения новой технической нормой для всех работающих на отбойном молотке (*sic*) было бы неразумно. Очевидно, что придется дать норму, проходящую где-либо *посредине* между существующей технической нормой и нормой, осуществленной тов. Стахановым».

Иначе говоря, за счет эластичного «кажется», объем выработки, навязываемый уже всем шахтерам, и составит изначальное стахановское завышение нормы «впятеро или вшестеро».

Подчас его идеологические выкладки выглядят настолько причудливо, что напоминают школьные упражнения с дробями:

«Мы в СССР осуществили девять десятых тех двенадцати требований, которые выставляет Энгельс».

«Раковский *изменил втрое и сократил вчетверо* резолюцию».

Неважно, какова доля правды в тех или иных — отрицательных или положительных — утверждениях Сталина. Ему достаточно любой зацепки, чтобы вызвать к жизни исполинскую тень врага на пропагандистском экране. По этому поводу часто цитируется его заявление, прозвучавшее на докладе «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК» (1928):

«Иногда ругают критиков за несовершенство критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить. Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров <...> Ежели вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов, *вы уничтожите этим возможность всякой критики* снизу, возможность всякой самокритики. Вот почему я думаю, что *если критика содержит хотя бы 5-10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать*, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. В противном

случае, повторяю, нам пришлось бы закрыть рот всем тем сотням и тысячам преданных делу Советов людей, которые недостаточно еще искушены в своей критической работе, но *устаами которых говорит сама правда*».

Выходит, надо защищать не оклеветанных людей от травли, в которой содержится всего лишь «5—10 процентов правды» (их возражения и контраргументы парадоксально оцениваются как «хула на критику»), а самих клеветников. Это не только прямое поощрение массового доноительства¹⁴, — здесь предвосхищены будущие разнарядки по процентам арестов в годы коллективизации и массового террора¹⁵.

Вместе с тем, если того требуют новые тактические условия, та же минимальная норма достоверности легко может быть обращена против стукачей, «устаами которых говорит сама правда». В статье «Против опошления лозунга самокритики» (июнь 1928) Сталин, стремясь застраховать своих выдвиженцев, дает вышеприведенным цифрам совершенно противоположную, но столь же гибкую интерпретацию¹⁶, на сей раз отождествляя именно критику с недопустимой травлей:

«Конечно, мы не можем требовать, чтобы критика была правильной на все 100 процентов. Если критика идет снизу, мы *не должны пренебрегать* даже такой критикой [т. е. уже не «приветствовать» ее], которая является правильной лишь на 5-10 процентов. Все это верно. Но разве из этого следует, что мы должны требовать от хозяйственников гарантии от ошибок на все 100 процентов? <...> Разве трудно понять, что самокритика нужна нам не для травли хозяйственных кадров, а для их улучшения и их укрепления?»

Если «5—10 процентов правды» могут быть важнее тьмы низких истин, ибо определяют главенствующую тенденцию, то последняя вообще не нуждается в реальной основе или, точнее, испытывает в ней самую минимальную потребность. В предисловии к брошюре Е. Микулиной «Соревнование масс» (1929) Сталин высоко оценил ее «попытку дать связное изложение материалов из *практики соревнования*» — «простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования». Приведу некоторые зарисовки этого трудового подъема из главы «Зарядье»:

«Даже сама фабрика словно не та стала. На полу ни соринки не найдешь <...> В воскресенье собрались ткачихи фабрику мыть. *В первый раз узнали стены и окна, что такое мочалка и мыло*»; «*От прядильни говорила Бардина <...> — Пусть ткачихи нос не дерут перед нами. Я думаю, бабочки, что как мы возьмемся, так очень просто можем их обогнать*»¹⁷.

Но Сталина поджидала неприятность — Феликс Кон переслал ему уничижительный отклик некоей Руссовой на «простую и правдивую» брошюру Микулиной, в котором указывалось, что журналистка просто выдумала воспеваемое ею «соревнование масс» со всеми его реалиями. В ответ уязвленный Сталин осудил не благонамеренные домыслы Микулиной, а вполне конкретные возражения Руссовой:

«Рецензия т. Руссовой производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки. Я допускаю, что *прядильки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной*. (Т. е. нет тех самых предприятий, где проводится «соревнование». — М. В.) Допускаю также, что *Зарядьевская фабрика убирается еженедельно*. Можно допустить, что т. Микулина, может быть, будучи введена в заблуждение кем-нибудь из рассказчиков, допустила ряд грубых ошибок, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело? Разве ценность брошюры определяется *отдельными частностями* (т. е. ее достоверностью. — М. В.), а не *общим направлением*? <...> В чем состоит достоинство брошюры т. Микулиной? В том, что она *популяризирует идею соревнования* и заражает читателя духом соревнования <...> Я думаю, что брошюра т. Микулиной, несмотря на ее отдельные, и

может быть, грубые ошибки, принесет рабочим массам большую пользу» (1929; первая публикация — 1949).

Этот подход уже полностью предопределяет или, как говаривали в семинарии, «прообразует» утопию социалистического реализма. В 4-й главе «Краткого курса» Сталин объявил: «Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается». Фактически он действует по тому же способу, который однажды приписал основателю большевизма. По его утверждению, дабы «предупредить партию и застраховать ее от ошибок», Ленин «иногда раздувает “мелочь” и “делает из мухи слона”». (На сей раз полемический смысл данного заявления, впрочем, состоял именно в том, чтобы дискредитировать ссылки оппозиции на Ленина, сведя его высказывания к «мелочи».)